

МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В БЫВШЕМ СССР В НОВОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

А. Вишнеvский

Текст, произнесенный на Конференции "Внутренняя миграция и эмиграция из бывшего СССР: региональные и социально-политические аспекты" (Москва, 29-30 сентября 1993 г.)

Демонтаж СССР ознаменовал собой последний этап распада своеобразной "трехимперской" геополитической структуры, которая начала складываться в Восточной Европе еще в XV-XVI веках. На протяжении столетий в Восточной и Центральной Европе, Передней и Центральной Азии господствовали три империи, во главе которых стояли Турция, Австрия и Россия. Соотношение сил постепенно менялось, в частности, Россия упорно теснила Турцию. Тем не менее все три империи дожили до XX века, когда начался окончательный распад трехимперской структуры. Российская империя официально прекратила свое существование в 1917 году, Австро-Венгерская - в 1918, Османская - в 1922. Турецкая империя исчезла навсегда. Перехватить место Австро-Венгрии в Восточной и Центральной Европе попыталась гитлеровская Германия, что кончилось военным крахом в 1945 году. Российская империя возродилась в виде СССР, в котором и просуществовала до 1991 года. Но сейчас распалась и она.

Уход империй с исторической сцены, как правило, сопровождался сложными и мучительными поисками государственного, этнического, религиозного размежевания, одним из главных инструментов которого служили миграции.

Фактически первой покинула европейскую арену Османская империя. Ее постепенное ослабление и отступление привели к массовому оттоку мусульманского населения с конца XVIII в. из России, а в XX в. - с Балкан. В западных и турецких источниках говорится примерно о 4 миллионах иммигрантов с конца XVIII в. (300-500 тыс. в последние десятилетия XVIII в. из Крыма и прилегающих к нему территорий; свыше 1 млн. из Крыма, с Кавказа, из Поволжья и с Урала в XIX в.; примерно 1 млн. из Балканских стран с 1877 по 1920 г.; 1225 тыс. в основном из Греции, Болгарии, Югославии и Румынии с 1923 по 1970 г.). Чтобы судить о масштабах иммиграции, надо учесть, что население Турции (без Болгарии, Боснии и Герцеговины и Египта) в 1870 г. оценивается примерно в 20 млн. человек.

Наряду с перемещениями мусульман, в XVIII-XIX вв. наблюдались и противоположно направленные потоки христианского населения - греков, болгар, сербов, армян. В начале XX в. агония империи породила вспышку национализма и резкое ускорение национального размежевания на ее бывшей территории. Начиная с 1912 г. из Турции вынуждены были эмигрировать почти 2 млн. греков, большое число уцелевших от геноцида армян. В 1870 г. в Турции было 2300 тыс. армяноязычных жителей и 2100 тыс. грекоязычных, в 1927 г. их оставалось соответственно 65 и 120 тысяч.

Следующий крупный этап постимперского европейского размежевания наступил после Второй мировой войны, когда окончательно пала столетиями существовавшая в той или иной форме Германская империя и был положен предел германской территориальной экспансии на Восток. За короткое время в обе части послевоенной Германии переселилось огромное количество немцев с территории послевоенного СССР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии и других стран. К концу 1957 г. общее число мигрантов в ФРГ достигло 12,5 млн. человек, или 24% всего населения страны, что обусловило рост численности ее населения почти на треть за 12 лет. Примерно в это же время - в конце 1956 г. число беженцев в Восточной Германии официально определялось в 4,3 млн. человек (тоже 24% всего населения).

Сейчас наступил новый, видимо, последний этап разрушения восточноевропейской "трехимперской" структуры. Долгое время ослабление, а затем и прекращение турецкой и германской экспансии лишь облегчали России проникновение на сопредельные территории. В результате их длительной колонизации русское население проникло далеко на юг, восток и запад от исторического центра России, увлекло за собой и представителей (часто обрусевших) других этносов - украинцев, белорусов, татар, евреев, армян и т. д. Часть этого потока была недобровольной, состояла в прошлом из крепостных, в советское время - из заключенных, а иногда и из целых репрессированных народов, в том числе и таких,

среди которых сейчас широко распространено русскоязычие (немцы, корейцы и т. п.). Распад СССР меняет положение значительной части этого населения в бывших советских республиках и, скорее всего, повлечет за собой не только прекращение территориальной экспансии русских, которое уже стало фактом, но и возврат значительной части русского (вместе с сопутствовавшим ему "русскоязычным") населения в свои исторические границы.

Сам по себе распад СССР не создал новых тенденций "возвратной" миграции в Россию, а лишь усилил уже существовавшие. Центробежные потоки миграции русского населения ослабевали давно и постепенно стали сменяться центростремительными. Отток русских из России прекратился в 80-е годы, а их вытеснение из республик началось еще ранее: в 60-е годы из Закавказья, в 70-е - из Армении и Средней Азии.

Поворот миграционных потоков указывает на усиление факторов выталкивания русского (и русскоязычного) населения в республиках и их нарастающее преобладание над факторами притяжения. После же распада Союза произошло скачкообразное усиление факторов выталкивания и, соответственно, резко увеличились потоки центростремительной миграции. Оценить их рост с достаточной полнотой пока невозможно, тем более, что значительная часть этих потоков выступает в кризисных формах непредсказуемых перемещений беженцев и вынужденных переселенцев, что не всегда находит удовлетворительное отражение в статистическом учете. Тем не менее даже и по официальным, скорее всего, неполным данным, объем годовой чистой миграции в России в 1992 г. был в 2,6 раза большим, чем в 1988 г.

Конечно, не вся вынужденная миграция в Россию может рассматриваться как возвратная. Приток в Россию беженцев-армян, осетин, турок-месхетинцев и т. п. имеет иную природу, предопределен имперской ролью России в прошлом. Но роль вынужденной возвратной миграции, по-видимому, имеет тенденцию к росту. Если же говорить обо всей учтенной миграции (а не только вынужденной), то здесь явно прослеживается нарастание чистой миграции русских, при том, что вклад в чистую миграцию украинцев и белорусов, прежде довольно значительный, с 1991 г. стал отрицательным.

Потоки возвратной миграции контролируются весьма слабо, Россия пока не справляется с нею, испытывает трудности даже с приемом армейских контингентов, возвращающихся из-за пределов страны. Даже неотложная проблема уже существующих беженцев и вынужденных переселенцев не находит пока сколько-нибудь удовлетворительного решения. Тем более не ставится вопрос о возвратных миграциях зарубежной российской диаспоры в его полном объеме. Между тем политическая важность проблемы такова, что она должна быть ясно осознана не только на российском, но и на международном уровне.

Какими могут быть масштабы будущих возвратных миграций в Россию? В нынешней переходной, во многом неопределенной политической обстановке ответить на этот вопрос непросто.

Потенциальный источник реэмиграции - зарубежная российская диаспора в новых независимых государствах, образовавшихся в результате распада СССР. Она складывается из этнических русских - 25 млн. человек (заметим, кстати, что в 1989 г. в СССР насчитывалось 22 млн. русских, родившихся за пределами России), нерусского русскоязычного населения (11,2 млн. человек, которые во время переписи населения 1989 г. назвали русский своим родным языком), а также представителей коренных нерусских народов России, считающих родным язык своей национальности (свыше 800 тыс. татар, около 80 тыс. башкир, десятки тысяч чувашей, мордвы, удмуртов, мари и т. д.). Таким образом, российская диаспора в "ближнем зарубежье" насчитывает, примерно, 37-38 миллионов человек.

В подобном определении российской диаспоры есть немало условного, особенно когда речь идет о русскоязычных представителях народов, населяющих новые независимые государства на территории бывшего СССР. Правомерно ли, например, включать в российскую диаспору русскоязычных украинцев или белорусов? Сейчас на этот вопрос трудно дать однозначный ответ, возможно, дезинтеграция бывшего Союза, а также отмена паспортной фиксации национальности, если она произойдет, повлечет за собой какие-то подвижки в этнической самоидентификации части населения, но это можно будет установить только при последующих переписях населения.

Ядро российской диаспоры составляет русское и русскоязычное население. Обратим внимание на его три главные количественные характеристики:

во-первых, его *национальный состав*. Если оставить в стороне собственно русских (25,3 млн., или почти 70%), то среди оставшихся 30% инородных представителей русскоговорящего населения свыше 70% приходится на украинцев и белорусов, затем идут евреи, немцы, татары, поляки, молдаване и армяне, на всех же остальных приходится менее 10% всех живущих за пределами России русскоязычных;

во-вторых, его *распределение* - весьма неравномерное - по бывшим республикам Союза: на долю Украины и Беларуси приходится 56%, а если добавить еще и Казахстан, то три республики сосредоточивают 78% всей русскоязычной диаспоры;

в-третьих, что, может быть, важнее всего, его *долю в населении каждой республики*. Здесь ситуация более однородная. В Казахстане и Латвии русскоговорящее население превышает 40% всего населения, на Украине, в Белоруссии и в Эстонии составляет примерно треть, в Кыргызстане и Молдове - примерно четверть и лишь в трех республиках Закавказья и в Таджикистане доля русскоязычных не достигает 10%.

Российская диаспора в разных государствах так называемого "ближнего зарубежья" играет разную роль, неодинаковы и условия ее существования, стало быть и события в них будут развиваться по-разному. Обычно полагают, что наиболее вероятны миграционные потоки из Балтийских государств, Молдовы, Грузии, особенно же из бывших республик Средней Азии. Что же касается Украины, Беларуси и Казахстана, где находится большая часть диаспоры, то появление массовых потоков переселенцев оттуда считают маловероятным. Это служит главной основой для довольно скромных оценок будущих возвратных миграций. Так, по мнению В. Переведенцева, чистый миграционный прирост за десять лет не превысит трех миллионов человек, если же учесть выезд жителей России за пределы бывшего Союза, то миграционного прироста может и вообще не быть.

Этот прогноз основан на анализе ситуации в настоящем и недавнем прошлом. Нельзя однако не видеть ограниченности имеющегося пока опыта. Тенденции возвратных миграций еще не могли проявить себя в должной мере, ситуация слишком непривычна, многое в жизни новых независимых государств еще не определилось. Сейчас возвращение в Россию - отчаянный шаг, на который не каждый рискнет без крайней необходимости. Неизвестно, что ждет мигранта на исторической родине, да и сам переезд весьма непросто - экономически и даже технически. Из некоторых республик физически очень трудно, а иногда и невозможно выехать, не хватает транспорта, многие маршруты небезопасны. Все это ограничивает возможности прогнозирования путем простой экстраполяции наблюдаемых тенденций.

Но еще важнее, что при анализе сегодняшних миграций за его рамками остается новизна геополитической ситуации, не осознанной еще ни политиками, ни самим населением. Какова степень окончательности этой ситуации? Полной ясности пока нет, но совершенно исключать какие-то подвижки, попытки перекроить границы новых независимых государств и т. п., видимо, нельзя. В этих условиях при оценке масштабов будущих возвратных миграций следует учитывать самые разные варианты развития событий, в том числе и такие, при которых этнические миграции становятся инструментом решения нерешимых иными мирными способами проблем.

Верно, что массовая миграция русскоязычных из Украины или Казахстана кажется маловероятной. Это как будто подтверждается и изучением общественного мнения. Еще зондажи, проведенные в 1990 и 1991 г., показали, что доля русских, имевших намерение при первой возможности переехать в Россию из Украины и даже из Прибалтики, была невысокой (2-7% в 1991 г.). В Казахстане она повышалась уже до 11%, в Молдове, Кыргызстане, Узбекистане, Азербайджане, Туркменистане - до 23-28%, в Таджикистане - до 36%). Однако даже на Украине до распада СССР, еще от 21 до 30% опрошенных уклонились от определенного ответа, так что доля определенно выразивших желание остаться в республике даже тогда составляла от 53% в Западной Украине до 77% в Восточной. В республиках Прибалтики она равнялась 60-62%, в Казахстане - 50, в республиках Средней Азии и Азербайджане от 23 до 35%.

Последующее развитие событий во всех бывших республиках едва ли уменьшило долю русских, желающих переселиться в Россию. Есть множество факторов, таких, как

различия политических режимов, степень напряженности межгосударственных отношений с Россией или межэтнических отношений внутри каждого из государств, ход экономических реформ или темпы экономического развития, культурная и языковая ситуация и т. п., которые могут вызвать более или менее сильные миграционные потоки русскоязычного населения (а по существу, населения русской культуры) даже и из Украины. Кстати, заметим, что всего 10% русскоязычного населения Украины, Беларуси и Казахстана - это почти 3 млн. человек.

Но самое важное - это позиция самой России.

Если судить по вялой реакции на возврат населения в Россию властей и общественного мнения, по очень сдержанным оценкам его будущих масштабов, то на него смотрят как на нечто временное, ожидая, что страсти улягутся, и все останется, как было. Совершенно очевидно также, что в возвратной миграции в крупных масштабах в России видят чаще всего явление для России нежелательное. Но достаточно ли учитывает такая оценка новизну геополитической ситуации?

Районы бывшего СССР с высокой плотностью населения и быстро растущей его численностью остались за пределами России. Ее же собственный потенциал демографического роста близок к исчерпанию. Как и другие европейские страны, она вступает в полосу нулевого или даже отрицательного естественного прироста населения. В то же время она по-прежнему обладает огромными слабо заселенными территориями Европейского Севера и Сибири. На огромных российских пространствах к востоку от Урала живет всего 32 миллиона человек, население двух Голландий. За три десятилетия - с 1960 года - прибавилось всего 10 миллионов, а в самое последнее время население здесь вообще убывает. Природные богатства Сибири известны, хотя дело, конечно, не просто в богатствах. Здесь может возникнуть геополитическая воронка, способная засосать полмира в новый конфликт. Как полагает, например, французский исследователь П. Беар, "Сибирь станет крупной ставкой XXI века... Если Сибирь будет потеряна Россией, она не останется долго без хозяина. Ее богатства, как и ее стратегическое положение делают ее объектом вождения для тюрко-монгольского мира, граничащего с ней на юго-западе, для Китая на юге, наконец, для Японии, которая смотрит на нее с востока... От того, кто будет владеть Сибирью, зависит будущее мира и прежде всего будущее граничащей с нею Европы".

Но может быть самое важное значение имеет выбор стратегии взаимодействия России и российской диаспоры с точки зрения его влияния на внутрисполитическое положение в России, бывших республиках СССР да и во всей Европе.

Опыт истории показывает, как опасна затянувшаяся агония империй для них самих и для их соседей.

Османская империя долго не хотела смириться с новыми историческими реальностями, вела бесконечные истощавшие ее войны. Долгим, мучительным, порой кровавым было и национально-религиозное размежевание, связанное с ее ослаблением и распадом, порой оно доводило националистические страсти до предела. Так или иначе с ним связаны и страшный геноцид армян в 1915 г., и сталинские депортации народов - своеобразные "этнические чистки" Крыма и Кавказа, и нынешние события в разных точках давней границы империи от Югославии до Северного Кавказа. Так что более или менее добровольные миграции в ряде случаев оказываются все же наименьшим злом, хотя и они были чрезвычайно тяжелы для населения, приносили массу страданий, служили источником социальной напряженности, выливавшейся в межэтнические конфликты и т. д. Международные договоры об обмене населением между Болгарией и Грецией (Нейи, 1919), Грецией и Турцией (Лозанна, 1923) означали, по существу, первую попытку создать правовые рамки для подобных миграций, поставить их под какой-то международный контроль, свидетельствовали о поисках разумной стратегии постимперского урегулирования.

Германский *Drang nach Osten* завершился возвратными миграциями тоже отнюдь не сразу. Упорство германского экспансионизма дорого стоило и самим немцам, и другим народам Европы. Но немецкий опыт возвратных миграций после Второй мировой войны заслуживает внимательного изучения и подражания. Разумеется, переварить огромную эмиграцию разоренной войной Германии было непросто. Она усугубляла и без того немалые экономические и политические трудности страны и грозила серьезной

дестабилизацией внутренней и даже международной обстановки. Многочисленные беженцы, оказавшиеся в очень тяжелом положении, объединялись в союзы и партии, группировавшиеся на крайне правом фланге политического спектра. Активную роль в них играли бывшие члены нацистской партии, нарастали реваншистские и ирредентистские настроения. По словам американских историков Бэрка и Гресса, "были все основания опасаться, что многочисленные бездомные, оторванные от своих корней люди образуют ядро разрушительных сил и будут способствовать возрождению правого экстремизма. Этого не случилось, благодаря совместным усилиям лидеров беженцев и положительным результатам экономического возрождения, начавшегося в 1951 году". Решение проблемы беженцев и перемещенных лиц способствовало послевоенному подъему и самой Германии и всей Западной Европы.

Нынешняя российская ситуация в том, что касается беженцев и вынужденных мигрантов, может стать очень похожей на послевоенную германскую. Сегодня реваншистские имперские идеи могут набрать силу в России. Она переживает тяжелый экономический кризис и в то же время находится в состоянии идеологического шока, общественное сознание дезориентировано, уязвимо для всякого рода социальной и национальной демагогии. В стране накапливается социальный горючий материал, и неприкаянные беженцы, отверженные, которым уже нечего терять, отнюдь не способствуют стабилизации обстановки.

Нельзя сбрасывать со счетов и нарастающее недовольство по крайней мере части русскоязычного населения, оставшегося за пределами Российской Федерации. Оно покуда никуда не мигрировало, но, оказавшись в непривычном положении национального меньшинства, испытывает явный социальный дискомфорт, действительное или воображаемое ущемление прав. Какая-то часть этого населения может видеть выход в эмиграции на Запад, но если говорить о большинстве, то оно легко может склониться к требованиям восстановления прежних имперских границ или, по крайней мере, создания новых, особых границ для русскоязычных анклавов в сопредельных (Эстония), и даже несопредельных (Молдова) странах. Все это может соединиться с недовольством внутри России и послужить детонатором социального взрыва, который отбросит Россию, Европу, а значит и весь мир на десятилетия назад.

Альтернатива такому развитию напрашивается сама собой. Надо сделать все возможное, чтобы избежать затычного "турецкого" пути возвратных миграций, - чреватого конфликтами и попятными движениями, изматывающего Россию, отвлекающего ее от решения внутренних задач, которые давно уже вошли в противоречие с ее имперскими амбициями. Гораздо более эффективным был бы вариант, в чем-то напоминающий "немецкий" путь.

Конечно, полной аналогии здесь быть не может. Германия проиграла войну, возврат немецкого населения происходил в соответствии с Потсдамскими соглашениями 1945 г. и был обязательным. В случае с Россией такого положения нет. У нее нет международных обязательств в отношении приема русскоязычных или каких-либо иных мигрантов (кроме выводимых воинских контингентов), индивидуальные решения о возвращении в Россию также могут быть только добровольными. Но это не значит, что Россия должна оставаться пассивной и лишь вяло реагировать на возможный приток иммигрантов, обусловленный событиями, происходящими за ее пределами. Многие геополитические, внутривнутриполитические, экономические и демографические соображения делают такую иммиграцию крайне желательной для России и требуют разработки и реализации соответствующих крупных государственных, а может быть и международных программ.

Разумеется, такие программы требуют средств, страна же находится в тяжелом экономическом кризисе. Тем не менее источники средств есть, многие из них хорошо известны, их перечислил, в частности, - и именно в связи с проблемой реэмиграции русских - А. Солженицын. Среди них - сокращение военных расходов, отказ от помощи зарубежным государствам, ограничение капитальных вложений в промышленность, уменьшение бюрократического аппарата. К этим внутренним источникам, которые пока используются далеко не полностью, следует, видимо, добавить и внешнюю помощь. Напомним, что послевоенная возвратная миграция в Германию - разоренную и разрушенную войной, - как и подготовка общего экономического подъема страны происходили в условиях очень большой помощи извне. Со времени окончания войны до

осени 1951 г., т. е. за 6 лет, Западная Германия получила свыше 21 миллиардов долларов в ценах 1989 г., или, примерно, 75-80 долларов на каждого жителя страны в год. Если бы сейчас такая помощь была оказана России - в расчете на ее нынешнее население, то это означало бы получение ею 11-12 миллиардов долларов в год - сумма, которая кажется большой, но которая составляет всего не более 0,25 процента валового национального продукта США или Западной Европы. Если бы эту помощь оказывали совместно страны ЕЭС, США и Япония, расходы, вероятно, не превзошли бы 0,1 процента их совокупного ВВП. Напомним, что США после Второй мировой войны расходовали на помощь европейским странам по Плану Маршалла около 1 процента ВВП, то есть в десять раз больше. Правда, Германия получала примерно две трети указанной выше помощи сверх Плана Маршалла.

Собрав ресурсы из внутренних и внешних источников, можно было бы взяться за реализацию крупной программы репатриации русскоязычного населения. Сам приток этого населения, как правило, городского, обладающего сравнительно высоким уровнем квалификации, а главное заинтересованного в срочном решении своих проблем, мог бы приобрести смысл мощного стимула экономического роста России.

Конечно, не следует слишком упрощать ситуацию. Запад переживает сейчас свои экономические трудности, и западному общественному мнению не всегда понятно, почему следует так активно помогать своему бывшему противнику. Но ведь и помощь послевоенной Германии не была следствием каких-то особых ее заслуг - такова была цена ее умиротворения. Вместо униженной и разоренной Германии, вскормившей идеи реванша и милитаризма после Первой мировой войны, Европа и мир получили процветающую и спокойную Германию второй половины XX века. Оказанная ей помощь многократно окупилась. А разве не видна всемирная опасность дестабилизированной, разрываемой внутренними напряжениями России?

Впрочем, даже если ресурсы будут изысканы, это тоже не решает всех проблем. Как отечалось в одном из докладов, подготовленных экспертами Экономической Комиссии ООН для Европы, "вопрос заключается не столько в том, смогут ли позволить себе западные страны провести План Маршалла в таких масштабах, сколько в том, смогут ли страны Восточной Европы освоить такую помощь". Ибо здесь легкость сравнений с Германией заканчивается. Успех в решении проблем интеграции немецких беженцев в западногерманское общество был успехом верно найденной общей экономической и социальной политики, проводившейся с 1948 года и особенно усилившейся с конца 1949 года после возникновения ФРГ.

Высокая оценка этой политики давалась, в частности, в опубликованном в свое время исследовании МОТ, в котором подводились итоги послевоенной реэмиграции и адаптации немецких беженцев. Для нас это исследование более чем тридцатилетней давности звучит чрезвычайно актуально.

"Главной целью политики, проводившейся... до 1948 г., было преодоление инфляции. Но вместо того, чтобы устранять причину зла, его лишь пытались обуздать такими мерами, как рacionamento или налогообложение, и, действуя таким образом, преуспели только в удушении всей экономики контролем. В результате, вместо того, чтобы создать побуждения к производству..., политика увековечивала существующие дефициты и заводи́ла в тупик все финансовые начинания. Эта политика потерпела очевидный провал, и в июне 1948 г. ... экономика была освобождена от строгого контроля (за исключением кредитного), а цены и зарплата были отпущены с тем, чтобы их уровень установился под действием рыночных сил.

Политика отдавала абсолютный приоритет инвестициям, а чтобы избежать опасностей инфляции..., структура налогообложения была пересмотрена таким образом, чтобы повысить налоги на зарплату (главным образом, за счет косвенного налогообложения), и понизить налоги на прибыль вплоть до полного освобождения от налогов значительной ее части. Благодаря этому, максимально возможная доля национального дохода была переключена с потребления на инвестирование...

Эти решительные шаги оказались замечательно эффективными. Валовой национальный продукт между 1949 и 1957 гг. увеличился почти на 85 процентов; была обеспечена устойчивость новой валюты; платежный баланс был восстановлен, несмотря на

сокращение помощи из-за рубежа и ее полное прекращение после 1952 г.; промышленность была переоборудована и даже значительно расширена. И в то же время устойчиво росло личное потребление, особенно в последние годы... Безработица, которая непрерывно росла до 1950 г., затем быстро пошла на спад, и к 1957 г. число безработных уменьшилось с 1580 до 662 тыс., тогда как экономически активное население с 1946 по 1957 г. выросло почти на 6 млн. человек, или на 30 процентов".

Между 1949 и 1957 гг. прошло столько же времени, сколько между 1985 и 1993, а ничего похожего на "немецкое чудо" у нас пока не случилось. Все, что можно переключить с потребления на инвестирование, у нас давно уже переключено. Но инвестиции всегда шли прежде всего в те отрасли, которые абсолютно безразличны к платежеспособному спросу населения, и если такое положение сохранится, то приток населения из-за пределов России лишь увеличит существующие дефициты. Если же, напротив, удастся заставить производственный аппарат страны работать на нужды населения, то получат разрешение и экономические проблемы, связанные с массовой реэмиграцией, если таковая будет иметь место.

Еще совсем недавно могло казаться, что более или менее вынужденные миграции как способ межнационального размежевания ушли в прошлое и "непримлемы сегодня для международного общественного мнения, по крайней мере, европейского". Происходившие в Европе изменения воспринимались многими в духе предложенной американским политологом Ф. Фукуямой концепции "конца Истории", окончательной победы экономического и политического либерализма и, казалось бы, давали основания для вполне оптимистических ожиданий, в том числе и в отношении европейских миграций.

Очень скоро стало ясно, однако, что действительное развитие идет вразрез с чрезмерно оптимистическими ожиданиями и что, хотя распад СССР и мог породить иллюзии "конца Истории", на самом деле кончилась не история, а лишь один из ее этапов. И как это ни печально, но новый этап может принести неприятные сюрпризы.

Особая важность возвратных миграций в Россию определяется исключительным местом этой огромной страны в геополитическом балансе Европы и Азии. Но сходные проблемы существуют и в других точках евроазиатского геополитического пространства, контролировавшегося некогда системой трех империй и сейчас испытывающего влияние ее окончательного исчезновения. Беженцы из зон межэтнических конфликтов имеются сегодня не только в России, вынужденные миграции как наименьшее из зол снова появляются на европейской сцене. Они могут приобрести очень крупные масштабы, и к этому надо быть готовыми.

Сейчас это не вполне осознается общественным мнением, ускользает и от внимания исследователей. Их усилия сосредоточились в основном на "прямой" миграции Восток-Запад, в меньшей степени Юг-Восток и Восток-Восток. Широко изучаются намерения граждан бывшего СССР и стран Восточной Европы эмигрировать на Запад, способность западных рынков труда принять эту иммиграцию и возможности и методы ее правового регулирования, проблемы "утечки умов", нелегальной иммиграции и т. п. Все эти вопросы очень важны для Европы, особенно Западной - такой, какой она привыкла быть после Второй мировой войны в рамках порядка, заданного Ялтой и Потсдамом.

Но неизбежность этого порядка уже пошатнулась, рождается какая-то новая Европа. События последних лет напоминают нам о том, что относительно благополучное европейское развитие второй половины XX века не упразднило более долговременных ритмов мировой истории, связанных с периодическими крупномасштабными геополитическими изменениями на нашем континенте. Эти изменения имеют своим следствием возникновение в восточноевропейском регионе особой "постимперской" ситуации, чреватой очень крупными перемещениями людей, поворотом долговременных миграционных потоков и поисками нового геополитического равновесия. В центре всех этих процессов неизбежно оказывается Россия.